Замочная скважина

Автор:
Владимир Дергачев

Замочная скважина

Владимир Дергачев

Это повесть, а скорее, художественное преломление событий до и после перестройки, а также последовавших за ней изменений в нашей жизни. Многое придумано (плод бессонных ночей), но основная канва повествования реальна, хотя имена изменены. Где сейчас мои бывшие коллеги – увы, мне неизвестно. Связаться с ними я не пытался – так проще сказать себе тургеневское «как хороши, как свежи были розы».

Замочная скважина

Владимир Дергачев

«Нельзя научиться желать»

Сенека

© Владимир Дергачев, 2021

ISBN 978-5-0053-2590-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Детство пролетело почти незаметно, напоминая временами поездку в вагоне дальнего следования со всеми прелестями бытовых неудобств и пронзительных звуков, вызываемых громыханием межвагонных сцепок при торможении, сопровождаемых перестуком колесных пар на несварных рельсах. Много ли было у Егора счастливых дней, которыми по определению должен наполняться период беззаботного взросления – пожалуй что нет: каждый приносил какие-то новые проблемы, создаваемые окружавшими его сверстниками, оттачивавшими формируемые характеры на психике немного анемичного и впечатлительного подростка.

Воспитанный на литературе классической, томной, нравоучительной, порой слащавой, Егор с трудом приспосабливался к жестокому миру сверстников, с ухмылкой наблюдавших за романтичным подростком и явно готовивших какую-то каверзу.

И случилось. На одном из уроков Егор вдруг почувствовал резкую боль в шее. Оказалось его одноклассник, с которым складывались почти дружеские отношения, воспользовавшись моментом, когда дородная преподавательница математики, здорово смахивавшая на продавщицу из соседней «Диеты», отвернулась к доске, со всей силой вонзил остро заточенный карандаш в шею, целясь в вену. Удар не достиг цели: карандаш скользнул по позвонку и ушёл в сторону, что спасло Егора от тяжёлой травмы, возможно – фатальной. Но кровь хлестала обильно, замарав старомодную парту с откидным верхом и разложенные тетрадки соседствовавшей одноклассницы. Удивил не сам поступок – к чему-то подобному Егор был готов и даже не думал о том, как отомстить своему обидчику, а реакция самой преподавательницы и все последовавшие за нападением события.

Первым – наперво, в ответ на невольный вскрик Егора, учительница математики набросилась на самого пострадавшего, сетуя на испорченную мебель, залитую кровью плюс тетрадки соседки по парте, не проявлявшей особой тревоги по поводу случившегося и даже с каким-то отрешённым любопытством наблюдавшей за развитием событий. Рану в кабинете медсестры кое-как замазали вездесущей зелёнкой, поверху замотали бинтом, быстро почерневшим от засохшей крови, и отправили на разборку к классной руководительнице, строгой и всегда справедливой Татьяне Анатольевне.

Явление Егора в учительскую в столь неподходящий момент (урок ещё не завершился, да и подобное вторжение в святая-святых школы, почти Храм Весты, где было дозволено находиться только небожителям от науки, как себя ставил в элитной школе преподавательский состав) считалось серьёзным нарушением всех писаных и неписаных канонов и порой наказывалось самым строгим образом. Но его случай, казалось Егору, относился к разряду явно неординарных, и потому он посчитал естественным позволить себе вторгнуться в обитель хранителей знаний. Урок математики тем временем продолжался – программа, всё-таки.

Реакция Татьяны Анатольевны, явно не ожидавшей увидеть своего питомца в таком виде и обычно призывавшей на всех классных часах к порядку и дружбе, оказалась едва ли не более болезненной и странной для восприятия тщедушного подростка, чем само происшествие.

– Опять, ну что теперь, – раздражённо оторвавшись от общения с учебником истории (когда-то балерина выполняла одновременно функции преподавателя этого предмета, причём всё происходило с большими перерывами из-за частых отлучек по непонятной причине).

Вопрос звучал явно некорректно – никаких провинностей за Егором не наблюдалось: по своему характеру он был одним из самых спокойных учеников, не приносивших особых беспокойств ни преподавательскому составу, ни своим сверстникам, порой раздражавшихся его безмятежностью и незлобивостью. И вот вдруг… Рассчитывал Егор явно на иное – если не на сочувствие, то хотя бы на понимание.

– Так, сегодня соберём классный час, обсудим произошедшее, – вдруг смягчила, как казалось, гнев на милость классная.

После занятий всех построили в коридоре. Егора попросили выйти, встать лицом перед одноклассниками. Шея ныла, боль уходила куда-то в глубины тела, проникая, как ему казалось, из неведомых мозговых извилин вниз и дальше, в суставы, колени, пятки… Одноклассники смотрели с интересом, предвкушая поворот, который всегда оказывался непредсказуемым, разрушающим самые невероятные ожидания.

– Все вы знаете, что сегодня произошло, – начала свою речь Татьяна Анатольевна. Пострадал ваш товарищ – сильно поранился, едва не был сорван урок математики. И это – в конце учебного года, когда мы должны всех аттестовать, и времени остаётся совсем немного, а тут такое.

Интересно. К чему она клонит, – подумал Егор. Уж не я ли во всём виноват? – мелькнула с бешеной скоростью странноватая мысль. – Да нет же, вряд ли.

Класс молчал, ожидая неожиданного поворота, и он произошёл. Классная внимательно посмотрела на строй вытянувшихся в напряжении подопечных и резко повернулась к Егору.

– Как ты сам расцениваешь произошедшее, и вообще, что ты думаешь: почему всё произошло именно с тобой, а не с кем-то другим? Может быть, тебе следует подумать о том, как наладить отношения со своими одноклассниками, подружиться получше, понять их что ли? У тебя какие интересы есть кроме уроков? Ребята, – продолжала классная, встав рядом с Егором, – давайте подумаем, как нам поступить, помочь вашему однокласснику влиться в коллектив: не оттолкнуть, а именно помочь, подсказать, как стать частью нашего братства?!

И дальше, уже обращаясь к классу:

– Ну, что думаете? Возьмём его на поруки, как говорится, дадим испытательный срок – нельзя же так, и чтобы всем вместе!

Что происходило дальше Егор, не помнит. Вдруг закружилась голова и он почувствовал, как резко оседает на землю, теряя сознание. Испуг в глазах преподавательницы истории – последнее, что отпечаталось в памяти, дальше – полная темнота и тупой звук как от удара чего-то мягкого и тяжёлого.

Очнулся он дома. Над изголовьем стояла заплаканная мама, отец нервно курил, в комнате пахло лекарствами: то ли валерьянка, то ли что-то другое, на редкость противное. Нашатырь, вдруг понял Егор – этот запах он хорошо помнил с детского возраста: так приводили в чувство бабушку, пока она жила с ними на старой квартире в Сокольниках. К предыдущим болевым ощущениям добавились новые: теперь ныла спина, рука была замотана чем-то белым, на шее – новая повязка, теперь с жёсткой оболочкой, похожей на воротник

к накидке мушкетёра, только без кружев.

– Это что? – поинтересовался Егор.

– Это как гипс, называется лангетка на шею – ответила, глотая слёзы, мама. – Ты когда падал, слегка вывернул шею и сорвал временную повязку. Хорошо ещё, что не на спину упал, а на правую руку завалился. Но кровищи было – жуть. Там у вас все перепугались, побежали в медпункт. Только вот никого уже на месте не нашли: медсестра куда-та спешила и ушла пораньше. Потом мне позвонили, очень просили скорую не вызывать, но я настояла, и правильно: у тебя был болевой шок плюс смещение позвонка. Хорошо ещё, что в бригаде оказался молодой, но очень грамотный хирург – он всё сразу понял, зафиксировал позвонок, наложил жёсткую повязку. А так бы., – и мать снова отвела глаза в сторону, содрогаясь всем телом и издавая странные клокочущие звуки. – В-общем, неделю-другую полежишь дома, потом снимем повязку и всё будет нормально у тебя, не переживай.

Оставшееся время до летних каникул Егор явно кайфовал: получив неожиданную для себя индульгенцию, бравировать своим положением не стал (да и не перед кем – никто из ребят к нему так и не заглянул), зато наконец-то смог добить полное собрание сочинений Джека Лондона, то путешествуя по снегам Аляски со Смоком Беллью и Малышом, то отправляясь в морское путешествие с «Морским волком», или столбя золотоносные участки на Юконе. Но вот добраться до стоявшего на очереди следующего многотомного книжного ряда не успел: вернувшаяся домой раньше обычного, мама вдруг объявила Егору, что теперь он будет ходить в другой класс, параллельный, чем немало его удивила, но и где-то даже порадовала. О том, как это произошло, он узнал много лет спустя, уже в зрелом возрасте, когда во время одного из застолий в тесном кругу родственников мать рассказала о тяжёлом разговоре, состоявшемся в знаменитой школе.

– Знаешь, я и не планировала тогда твой перевод: просто захотела выяснить, как всё происходило, и одна из встретившихся мне твоих одноклассниц по дороге в учительскую всё рассказала.

– Это Вика, – сразу понял Егор. Про сидевшую за одной партой девчонку он даже и не подумал.

– Так вот, – продолжал мама. – Я спрашиваю у твоей классной, как такое можно было допустить, а она мне что-то про самостоятельность, умение постоять за себя, проблемы взросления и далее что-то непонятное – я и сегодня повторить не смогу. В-общем, наорала я на неё, посоветовала в Матросскую тишину идти работать, а она мне по матушке залепила такое, что и сейчас не повторю. Пришлось обращаться к директору, переводить в другой класс. Вот так, сынок!

Егор вспомнил, что буквально за день до окончания того учебного года, когда он наконец пришёл на занятия в школу и отправился теперь уже в соседний класс, перед дверью возникло сразу двое классных: «та самая» и новая, куда перевели, и делая вид, что не замечают его, нарочито громко стали обсуждать «всяких маменькиных сыночков», ни к чему не пригодных и вечно жалующихся на всех, тогда как сами.. Но тот день Егор пережил легко, благо – последний в учебном году, и, к счастью – в элитной школе тоже: летом они всей семьёй уехали в Америку – родителей отправили в загранкомандировку, так что школа менялась автоматически. Состоявшееся перемещение способствовало новому взгляду на вещи, так что всего в его жизни получилось как бы три учебных заведения, если не считать неожиданно возникшего после окончания школы учебного заведения, о котором совершенно он случайно узнал из объявления, напечатанного на последней станице в «Московской Правде». Но это – потом, а сейчас – Вашингтон, Нью-Йорк, Филадельфия.

Нью-Йорк ошеломлял, кружил голову, причём не в переносном, а в самом прямом смысле: задерёшь голову на Лексингтоне – и почти теряешь сознание. Серые громады давили своей многотонной тяжестью, Центральный Парк, как оказалось, можно проехать насквозь на машине, лавируя среди решивших заняться пробежкой жителей города, прямо на улице можно увидеть расположившихся здесь художников, демонстрировавших неожиданные возможности графики. Открытость телеканалов поражала своей непосредственностью: явно бравируя своим безразличием к окружающим, телеведущие спокойно вели передачи в прямом эфире, стоя перед затемнённым изнутри и просветлённым снаружи стеклом, вставленным во всю ширину студии, и это – на первом этаже небоскрёба в центре города.

Да и ребята отнеслись к малышу гораздо приветливее, чем он ожидал. Все знали, что Егор пошёл в школу раньше на год и потому опекали его особенно серьёзно, по-взрослому, что ли.

Запомнилась поездка в Вашингтон, особенно посещение ротонды Капитолия с его картинной галереей. Оказалось, что посетить американский Сенат мог всякий желающий, только не во время заседаний: главное – не мешать работе сновавших мимо толстопузых клерков, загруженных кипами бумаг, а иногда – и самим сенаторам, выходившим в коридор «власти» на перекуры. Строгая экскурсовод разделила всех на группы и начала повествовать об истории великой страны, начав со скульптур, расставленных по периметру ротонды. Правда при этом сделав оговорку, что скульптур могло бы быть намного больше, только вот все их в ротонду решили не заносить из опасения, что пол просто может рухнуть.

– А теперь перейдём к картинам, – продолжала экскурсовод. – Здесь вы можете видеть как генерал Джордж Вашингтон слагает свои полномочия. Произошло это в декабре 1783 года в городе Аннаполисе, и тем самым был сделан шаг к установлению приоритета гражданских властей над военными органами. Правда, надо сказать, что в этот день он не смог участвовать в данном торжественном акте, так как серьёзно простудился и валялся дома с температурой. Но фантазия художника подсказала, что событие могло бы выглядеть именно таким образом.

Егору такое творчество показалось несколько странным, но вида не подал, только внутренне усмехнулся – так, чтобы не заметили стоявшие рядом родители. Всё-таки великая страна, всё возможно, и не мне судить.

– А вот на этой картине, – продолжала своё повествование американка, – вы можете видеть другое событие: в битве при Саратоге английскому генералу Джону Бергоину удалось одержать крупную победу, но из-за некоторых просчётов он в тот же день вынужденно капитулировал, из-за чего был лишён всех званий.

Здесь ведущая немного замешкалась, и продолжила.

– Надо сказать, что и в этом случае мы также имеем замечательную возможность стать сопричастными фантазии художника, а именно: как это всё могло бы выглядеть, если бы наш герой не находился в это время в другом месте.

И здесь Егор не выдержал – расхохотавшись так, что перехватило дыхание, он быстро рванул из зала, наблюдая краем глаза за своими родителями, также давившимися от смеха, но сдерживавшими свои эмоции, правда недолго: до выхода из здания Конгресса. Ругать не стали: всё было слишком очевидно, да и Егору надо было дать время привести себя в порядок – взрывы хохота ещё долгое время отпугивали публику в вашингтонском метро, на котором они возвращались в гостиницу. Единственно, ему удалось подслушать обрывок фразы из разговора родителей:

– Да, похоже, ребёнок повзрослел.

И было приятно.

Вернувшись на родину из глянцевой заграницы, откуда будущее казалось светлым и безоблачным, неожиданно для себя открыл новые правила игры, называвшиеся громким словом «жизнь»: сокровенным ни с кем не делись, пострадавшему или проигравшему сочувствуй (лучше – эмоционально, прилюдно), но не более того, и: держись всегда уверенно и независимо. Даже если не уверен. Главное – свой интерес соблюсти, а там видно будет. Вот только открылось не сразу – только после первого выезда «на картошку», которым славилась студенческая жизнь.

Получилось так, что совсем не горевшему желанием поменять квартиру на двухнедельное прозябание в деревне, он случайно узнал про возможность провести свою первую «командировку», засчитывавшуюся как стажировка, в Москве, встречая прибывавших на обучение из-за рубежа иностранных студентов. Естественно, первым требованием к сопровождавшим было знание иностранного языка, и с этим у Егора проблем не было – недаром, все его ценили за постоянную готовность помочь, а проще говоря – дать списать задание или контрольную.

Своей находкой он поделился с ближайшим однокурсником, посетовав к тому же на невозможность, уезжать из Москвы – были причины. Однокурсник выслушал внимательно, но с деланным безразличием, правда поинтересовался, где и как происходит запись. Егор простодушно всё рассказал, даже уточнил часы работы приёмной Отдела по работе с иностранными студентами соответствующего министерства. Кончилось всё тем, что когда он пришёл предложить себя в качестве того, кого сегодня принято считать волонтёром, свободных вакансий уже не оказалось. Буквально перед ним записался последний энтузиаст, как

оказалось – тот самый товарищ – однокурсник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dergachev_vladimir/zamochnaya-skvazhina

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити